

НАДЕЖДА ЛУХМАНОВА

Изнанка жизни

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л86

Лухманова Н.

Л86 Изнанка жизни / Н. Лухманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 102 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77614-6

Сборник рассказов Надежды Александровны Лухмановой (1840–1907), впервые опубликованный в 1896 году. В него вошли рассказы «Жизнь», «Звёзды», «Изнанка жизни», «Легенда о птицах», «Мельничиха», «Один», «Сила любви», «Феникс».

BIC FC
BISAC FIC000000

ЖИЗНЬ

В большой комнате, банально обставленной гостинодворской мебелью с грошовыми безделушками на столах и этажерках, с громадными веерами, заменявшими на стенах картины, было тихо, — той жуткой говорящей тишиной, которая чувствуется там, где присутствующие люди затаили дыхание, замерли под наплывом объявившего их чувства.

Вдвинувшись глубоко в кресло как трус, готовый вдавиться в стену, сидел мужчина лет сорока двух, и растерянно, тёмными, широко открытыми глазами смотрел на остановившуюся перед ним девушку. Он только что сделал ей предложение, которое вырвалось из его накипевшей души как-то сразу и совершенно неожиданно для него самого. Девушка, давно ожидавшая это предложение, давно рассчитывавшая на него, теперь коварно молчала и, как бы взятая врасплох, поражённая, с пылающими щеками стояла перед ним, опустив глаза... А на подоконнике крайнего окна, за тёмной спущенной портьерой, сидела другая девушка — вся бледная, захваченная чужой страстью; закрыв глаза, крепко прижав к груди скрещенные руки, она ждала ответа.

Среди мещанской обстановки, тускло освещённой двумя керосиновыми лампами, в сыроватой атмосфере плохо отапливаемой квартиры, разыгрывалась старая и вечно юная, простая и глубоко потрясающая драма человеческой любви.

— Пётр Николаевич, — тихо и нежно зазвучал голос девушки, — я не ожидала, не знала, не верила, чтобы кто-нибудь полюбил меня и... просил моей руки...

— Почему? — тихо, едва выговаривая, спросил сидевший в кресле.

— Мы бедны и я... обманула ожидания своих, не принята в драматическую школу и потеряла охоту и веру в своё призвание к сцене.

— Тем лучше, Екатерина Николаевна, именно это-то разочарование, это горе, которым вы поделились со мной, и дало мне силы высказать вам свою любовь.

— За что вы меня любите? — в голосе Кати звучала странная нотка.

Пётр Николаевич не заметил её... «За что?» Ответы самые бурные, самые страстные рвались с его губ, ему хотелось крикнуть ей: «За всё! За твою молодость! За твою белокурую красоту! За то, что ты, как весна, полна очарования и неги! За то, что я снова живу и страдаю!..» Но ни одно из этих слов не слетело с его губ, он только нагнул голову и вяло, глухо проговорил:

— Не знаю!

Катя чуть-чуть дёрнула плечиком.

— У меня характер живой, впечатлительный, я очень своевольна, резка... Вы будете меня баловать?

— Я?! Вас?.. — Пётр Николаевич встал с кресла и выпрямился во весь свой высокий, тяжеловатый рост. — Значит, вы позволяете мне любить себя? Значит, эта рука — моя?

Катя поглядела в его серые, серьёзные глаза, на всю его статную, красивую фигуру, от которой веяло силой и спокойствием, и без колебания протянула ему свои обе руки.

Пётр Николаевич вздохнул полной грудью, лицо его ожило, застенчивая мука высказанного предложения, мука ожидания ответа, оставили его; чувство победы наполняло гордостью его грудь. С сияющими глазами, влажными от набегавших

слёз, он привлёк к себе девушку, властно, но нежно прижал к своей груди её головку.

— Я ведь бежал от вас, я целую неделю пробыл вдали от вашего дома. — Он нагнулся к её уху, пушистые завитки её волос дотрагивались до его губ. — Я хотел забыть девушку, от которой зависит и моё счастье, и моё горе, — девушку вот с этими ясными, лучистыми глазами, которые околдовали меня. Я тосковал, я рвался назад, не выдержал своей добровольной ссылки, и вот, едва вернувшись, я снова здесь, чтобы спросить: позволит ли она мне любить её, лелеять, беречь, обожать, пока бьётся моё сердце?.. Мне сорок два года, дитя, я стою на рубеже старости... Мысли мои уже начали усваивать себе эгоистичный покой приближающейся старости и — вдруг... встреча с вами пробудила во мне жажду быть ещё раз молодым... и не зрителем, а гостем, — весёлым, активным гостем жизни. Под влиянием вашего очарования во мне воскресают давно забытые слова и мысли, всё кругом получает вновь глубокий смысл, логику и жизненную правду. Я точно был слеп и глух, и вновь прозрел и стал слышать...

Он молодо, весело засмеялся и чуть-чуть дотронулся губами до её виска.

Снова наступило молчание. Полузакрыв глаза, припав к нему в грациозной, застенчивой позе, Катя стояла разочарованная. Сцену объяснения она представляла себе совсем не так. «Он» должен был сперва броситься на колени перед нею и страстно целовать её ножки, потом схватить её на руки и душить в объятиях, осыпая «страстными поцелуями». Она должна была вся и гореть, и млеть, и дрожать от неизвестного страха. А этот — держит её как отец, говорит каким-то возвышенным слогом и едва дотрагивается губами до волос.

А девушка, сидевшая за портьерой, едва сдерживала рыдания; каждое слово, каждый тихий звук голоса Петра Николаевича входил ей в душу, ответная любовь, глубокая, чистая, наполняла до боли её грудь. Слова рвались и замирали на её

побелевших губах. И только крупные, светлые слёзы бежали из её карих, печальных глаз и впитывались в её простенькое коричневое платье.

Катя, видя, что страстных порывов ждать нечего, тихонько выпрямилась и взяла за руку Петра Николаевича.

— Пойдёмте к маме.

По жениху пробежал холодок, — поэзия кончилась, началась любовная страда объяснений с маменькой, папенькой, а далее — гости, жадные до всего, нарушающего обычную скуку, а там обеды, балы и шумная свадьба в какой-нибудь модной церкви, с неизменным балом до утренней зари, словом — цепь мещанских неизбежных церемоний.

Он подал Кате руку, оба вышли из комнаты и дверь за ними затворилась. Портьера углового окна откинулась, и с лёгким стуком каблучков на пол соскочила молодая девушка.

Тусклый свет ближайшей лампы нервно осветил её тёмное платье, облежавшее маленькую, нескладную, горбатую фигуру. Одно плечо её было выше другого, тонкие, изящные руки, безжизненно висевшие теперь по бокам туловища, казались несоразмерно длинными, и только маленькая головка держалась прямо и гордо на тонкой, нежной шее.

Чёрные, как бы крытые лаком волосы, просто разделённые пробором, закручивались на затылке в массивную косу. Большой гладкий лоб был правильной, красивой формы, чёрные брови почти сходились на переносье, под ними лежали большие карие глаза, обыкновенно сухие и слишком пристальные, теперь же влажные, добрые, с искрой бесконечной грусти в глубине расширенных зрачков, большой рот с узкими красными губами и слишком острый подбородок кончали неприятным углом красивое, умное личико.

Девушка как во сне подошла к креслу, на котором сидел жених её сестры Кати, машинально дотронулась рукою до мягкой спинки, к которой, полчаса тому назад, так прижималась его голова, и вдруг засмеялась странно, тихо, не замечая,

как переливы смеха переходили в рыдания и трясли её ху-
денькие, неправильные плечи.

— Варя! — слышалось в коридоре, — Варя! Да чего ты
опять прячешься?

«Мама!» — беззвучно прошептала Варя, замерла на месте
и вдруг неслышно, как мышь, скользнула к окну и снова вско-
чила на подоконник.

В зал вошла хорошенькая, толстая женщина, живая, моло-
жавая, с необыкновенно вычурной причёской; она оглядела
комнату светло-голубыми глазами и ушла ворча: «Никогда её
нет, когда надо!»

Варя снова скользнула с окна и выбежала в противополож-
ную дверь.

* * *

Вечерело. Громадный тёмный кабинет замер в массивной
неподвижности тяжёлых портьер и старинной мебели.

В пушистой медвежьей шкуре лежали подушки; на них,
в утомлённой позе, сидел Пётр Николаевич Варгутин и глядел
в топившийся камин. Груда каменного угля, как фантастиче-
ский огненный грот, видоизменялась каждую минуту, то за-
мирая в чёрных пятнах, то оживая в огненных языках, то рас-
сыпаясь столбом мелких красноватых искр.

Варгутин так сильно устал за последнее время, так много
нового, странного совершилось с ним, что иногда, в минуты
одиночества и отдыха, он ясно сознавал как бы распадение
самого себя. Душа его вступала в распрю с разумом, и как две
самостоятельные силы они громко беседовали между собою,
а сам он, Варгутин, впадая в сонливую апатию, прислушивал-
ся к их голосам.

Как дерево, уже терявшее листву, вдруг тёплой осенью
вновь покрывается густою зеленью, так и его сердце ещё раз
ожило, согрелось и раскрылось для любви. Разум же говорил

ему о безвозвратно прожитых годах, о непостижимом чуде, в силу которого человек может произвести на свет другое существо, перед которым лежит кипучая, светлая юность, а для себя не может ценою всей остальной жизни купить года молодости. Любимой девушке нищий может обещать добиться миллионов, слабый и трус — завоевать мир, но никто, никто, никакими жертвами в мире не может вернуть себе цветущую, беззаботную, самонадеянную молодость... Огненная башня в камине рухнула, снопы искр взлетели и рассыпались в чёрной пасти камина. Варгутин очнулся, вскочил на ноги и бессознательно проговорил конец фразы:

— Цветущую, беззаботную, самонадеянную молодость... Да, этого не вернёшь!

И он заходил по комнате.

Ведь, в сущности, вся семья Комковых была для него чужая и, за исключением Кати, несимпатичная. Он познакомился с ними четыре месяца тому назад и уже месяц как считался женихом. Это было у Жабриных на вечере. Он приехал, как всегда, повинтиться и скептически улыбнулся, услышав от хозяйки, что затевается артистический вечер. Читать будет Екатерина Николаевна Комкова, дочь небогатого чиновника, приготавливавшаяся на сцену в виду её несомненного таланта. Партия винта так и расстроилась в этот вечер, хозяйка конфисковала карты. И вот, стоя в рамке входной двери, тоскливо прислонившись к полузакрывавшей его портъере, Варгутин увидел, как на импровизированную эстраду вошла молодая девушка. Он сразу охватил её взглядом и заметил, что она — белокура, стройна и, несмотря на высокую грудь и здоровый цвет, лица, смотрит хрупкой и нежной лилией. Вся в белом, волнистом и пышном как пена, с причёской прошедших годов, обрамлявшей её белый, открытый лоб, она одним своим появлением на этой эстраде точно освежила и согрела всю залу. Опущенные веки её дрогнули, длинные ресницы взмахнулись, и тёмный, точно ушедший в глубину,

взгляд скользнул вперёд и, как бы случайно, остановился на стоявшем в дверях Петре Николаевиче.

Варгутин сразу поддался чарам. Белая девушка, мягко освещённая сверху молочными шарами люстры, напомнила его сердцу всё: и песнь жаворонка, и трепетную тень перистой зелени над озером, и полёт бабочки, и робкое весеннее солнце — словом всё, что пробуждает в человеке дремлющую потребность поэзии и идеала.

Прямой и честный, осторожный с людьми и строгий с собою, далёкий от света и женщин, Варгутин не мог подозревать, что дома перед всеми зеркалами, при всяком освещении, эта девушка, жаждавшая театральных подмостков, подолгу изучала свои эффекты: позы и взгляды.

Чтение Кати несколько расхолодило Варгутина; выбор стихотворения и дикция — всё было напыщенно, поэтические картины теряли в её передаче своё значение, отдельные слова бессмысленно подчёркивались и звенели, переливаясь в пустых звуках. Раздались аплодисменты, девушка наклонила голову и, не улыбнувшись, с усталым, но вдохновенным видом покинула эстраду.

Варгутин не танцевал, но, когда он стоял у окна зала и следил за мелькавшим белым облаком, видение приблизилось, и на пустой стул, за спинку которого он машинально держался, опустилась Екатерина Николаевна Комкова. Снова её странный глубокий взор медленно поднялся и остановился на нём. Завязался разговор; потом он повёл девушку к ужину, познакомился с её ничтожным отцом и пустой матерью, на другой день сделал визит Комковым, а через три месяца, придя в их неуютную, холодную гостиную, застал Катю в слезах — от потерянной надежды поступить в театральную школу, и — сделал ей предложение.

С тех пор прошёл ряд минут, блестящих, как счастье, и часов, оскорбительно глупых, пустых, внёсших сумбур в его жизнь и в его понятия и впервые расшатавших его нервы. Счастье было чисто физическое — от взгляда, улыбки, нежно-

го слова, робкой мимолётной ласки; утомление было нравственное, — от фальши, лжи и напыщенности всей мещанской семьи Комковых. Расходы были громадные и никакие суммы не спрашивались у него просто: они выпрашивались низко, под разными предложениями и шли всегда не на то, на что были взяты. Но отрезвление ещё не начиналось, и Пётр Николаевич был убеждён, что стоит вырвать Катю из семьи — и она сдержит то, что обещают её глубокие глаза, что скрывается под её белым гладким лбом, что он видит сквозь её нежную улыбку на самом дне её детской души. Его мучило только то, что свои 42 года он считал не соответствующими её 19; но он готов был на все жертвы, лишь бы она приняла за твёрдую землю тот мост иллюзий, который он перекидывал от своей осени к её цветущей нежной весне.

Сестру Кати, горбатую Варю он почти не знал. Весь ослеплённый Катей, он даже не останавливался на мысли, что это детски маленькое существо — уже взрослая, 22-летняя девушка, в которой искусственно убиты все порывы молодости, все нормальные требования жизни.

Присутствие Вари до того не замечалось в семье, что часто за обедом мать забывала передать ей тарелку супу или жаркого и уже только потом со смехом говорила:

— Молчи больше и без еды останешься!

Варя много молчала; в своих всегда тёмных и плохо сшитых платьях она неслышно двигалась среди семьи, но чаще всего сидела по углам или на своём любимом месте, — в глубокой нише окна, за портьерой, почти всегда с какой-нибудь книгой.

Едва ли Варя была особенно добра. Взгляд её сухо и строго останавливался на всех; рука, протянутая для приветствия, не умела пожать тепло и дружески. Голос у неё был резкий, и её ответы и замечания выходили особенно едки и отрывисты. Только однажды...

Варгутин, приехав не в назначенный час и не застав никого дома, прошёл в крошечный кабинет своей невесты написать